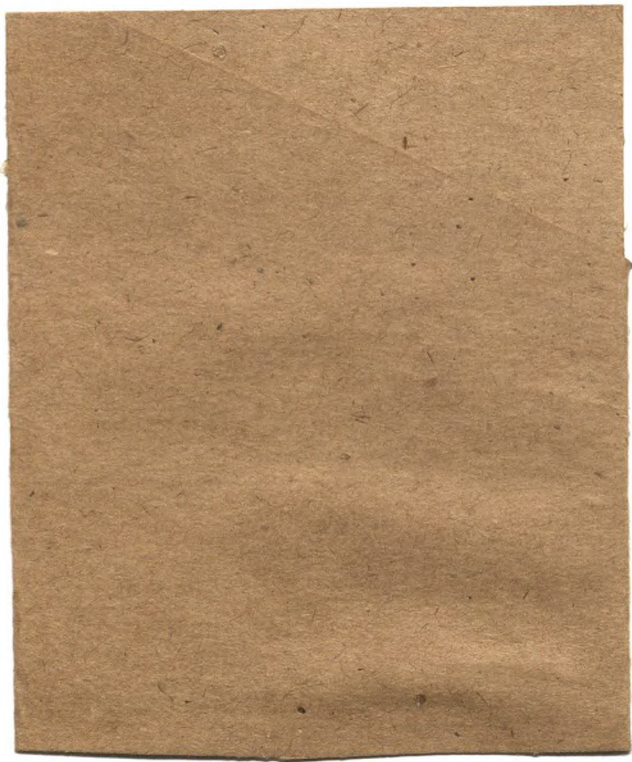

ПЛАНЕТА ЭВЕНКИЯ

НИНА КОЛЕДНЕВА

20 10836

1

Нина Коледнева

ПЛАНЕТА ЭВЕНКИЯ

Чита
Экспресс-издательство
2009

K97 + 63.3(2P-4ЧW) + 63.52(251.1)

K60 УДК 39
ББК 63.5
К 60

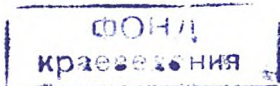
Фото Н. Коледневой, Г. Пулара, К. Хаас, М. Жданова,
Е. Епанчинцева, Г. Калачьяна, А. Мильера, Д. Брандишаускиса

К 60 Коледнева, Н.В.

Планета Эвенкия [текст] / Н.В. Коледнева. – Чита: Экспресс-издательство,
2009. – 208 с.: ил.

ISBN 978-5-9566-0136-5

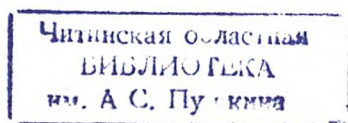
УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-9566-0136-5

© Коледнева Н.В., 2009

г.о. 10636

2015

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Я родилась на севере Читинской области в небольшом селении Тунгокочен. В пору моего детства жителей в нем насчитывалось не более пятисот человек. Наше село не имеет большой родословной. Было заложено по решению районной власти, а место подобрала специально снаряженная для поиска пятерка – четверо русских мастеровых мужиков и эвенк Иглэнчин, он был проводником – вел «изыскателей» через гольцы и топи.

До 1932 года районным центром Витимо-Каренгского района, входившего в состав Витимо-Олекминского эвенкийского национального округа, был поселок Талача, который находился в устье притока Каренги – речки Талачи. Но место было болотистое. И руководители района дали задание имеющим кое-какие навыки в строительном деле мужикам подыскать новое «пристанище» для центрального населенного пункта.

Пятерка остановила свой выбор на урочище Тунгокочун. Поиски велись ранней весной, прохладные ночи приходилось коротать у костра. А тут неподалеку от реки – теплое зимовье, где «комитетчики» обогрелись у жарко натопленной печурки, напились горячего чаю и почувствовали: «Вот он – дом!» Рядом лиственничный бор, пять сопок, словно стражи, охраняют долину... Спросили мнение Иглэнчина, но тот лишь плечами в ответ пожал: «Летом гнус на берегу не будет тревожить...» Эвенку было невдомек – ради чего большие начальники затеяли кочевье, оленей-то не держат... «Ну так тому и быть, – обрадовались проектировщики. – Здесь и заложим село». Выбрали место под будущее здание райисполкома, радиотрансляционный пункт, больницу... сделали затесы на деревьях, прибили таблички. Летом 1932 года мужики из сел Кыкер, Акима, Усугли, Кучегер получили «твердые задания», и в урочище застучали топоры, зазвенели пилы...

В октябре 1938 году руководство из Талачей окончательно перебралось в Тунгокочен (русское название села), сюда был перенесен райцентр. В селе открыта школа-десятилетка с интернатом для детей-эвенков, центральная районная больница на 25 коек, в штате которой числились врач (он же – главный) и фельдшер. В 1940 году в ЦРБ дополнительно прислали стоматолога – многие северяне страдали кариесом.

В больнице с 1942 года главным врачом работала моя мама. Отец – тоже врач, один из первых жителей эвенкийского села Тупик в другом северном районе Читинской области – Тунгиро-Олекминском, а с января 1940 года – заведующий отделом здравоохранения Тунгокоченского района. Мама – жительница Алтая, отец – уроженец донских степей. Они встретились в Забайкалье в военные годы и поженились.

Эвенки являются коренным населением Забайкалья. Первые материальные памятники датируются неолитом.

К моменту начала освоения Забайкалья казаками-землепроходцами (XVII век) населяли территорию современного Забайкальского края – от хребтов Кодара до нынешних границ Китая и Монголии. В «казенных бумагах» их называли тунгусами.

В силу разнообразных климатических условий и ландшафта Забайкалья, а также благодаря взаимопроникновению культур соседствующих этносов к XVIII веку у тунгусов сложились разные типы хозяйствования и как следствие различные уклады жизни. Можно выделить для того момента три группы тунгусов – оленных, конных и пеших. Орочны (оленные эвенки) обитали в горной и таежной местности, их уклад жизни был целиком связан с оленем. Среда обитания мукчен (конных эвенков) – степные просторы на юго-востоке нынешней территории Забайкальского края. Держали небольшие стада лошадей. Кочевали лишь два раза в год: на зимнее или летнее пастбище. Уклад и цикл жизни мукчен был полностью связан с лошадью. Пешие тунгусы кочевали в лесостепной полосе следом за пушным зверем.

Мукчен к началу XX века ассимилировались с монголами и бурятами, восприняли их образ жизни.

Орочны – предки современных эвенков – до XX века сумели сохранить свой хозяйственный уклад и культуру во многом благодаря труднодоступности горных хребтов, пересекающих север Забайкалья.

До 1929-го – года начала коллективизации – эвенкийские роды не были советизированы, вели традиционный кочевой образ жизни, занимались охотой и оленеводством; кочевали в бассейне Витима, по долинам рек Каренга, Тунгир, Олекма, Ненюга, Калар, Чара. Рыболовством орочны промышляли лишь в голодные годы, так как им хватало для пропитания зверья.

В Великую Отечественную войну пушнина приравнивалась к «мягкому золоту», так необходимому для победы. И здоровью ее добытчиков – коренных жителей тайги уделялось большое внимание. Моей маме нередко приходилось – летом верхом на лошади, зимой опять на той же дряхлой больничной лошадке, впряженной в сани, – добираться на дальние стоянки охотников, оленеводов, где в ее помощи нуждались люди. Она вспоминала, как в таких поездках не раз ее преследовали волки. Да, видно, Бог уберег.

Эвенки в пору моего детства в селе появлялись изредка. Лишь для того чтобы сдать пушные меха. Купить пороху, патронов, а из продуктов – муки, соли, чаю черного плиточного и сахару. Другие продукты оленных людей не интересовали. Да и не было особого изобилия в нашем единственном «смешанном» магазине. Сельские жители уповали больше на кур-несушек да на своих свинок – Хрюшей и Красавок, сало было хорошим подспорьем в рационе в зимнюю пору. Эвенки – на собственное крепкое сердце и сильные ноги, их тайга кормила.

Таежные выходцы, если не успевали управиться с дела-

ми за день, на ночлег к оседлым жителям не просились. Ночь проводили у костра, разожженного на окраине села.

Это были волшебные ночи для сельской ребятни. Мы, как мошкара на свет, сбегались к костровищу эвенков. Завороженные, следили, как нож входил в шею оленя, как из вскрытой вены животного кровь капала в подставленный котелок. Вместе с пришельцами из тайги пили горячую кровь. Вкус напитка до сих пор не забылся... А потом родители не могли вырвать нас из общего хоровода. Мы, встав в круг, вместе с агиканами¹ водили «осору». Необыкновенный танец – без музыки, без пения. Лишь звуки бубна да стук собственных сердец сопровождали кружение людей вокруг костра и ритмичное покачивание танцоров, обнявшихся за плечи. Ритуальный танец длился всю ночь – до рассвета. Да это и не танец вовсе – приобщение к Вселенскому круговороту. Через час-другой представление о реальности терялось. Казалось, земля, звезды кружат вместе с тобой. Ты – часть этого необыкновенного светящегося мира.

...После школы я окончила Томский государственный университет, начала работать в читинской областной молодежной газете корреспондентом. Моей главной темой, которой я верна вот уже более тридцати лет, стали судьбы эвенков, их культура, а в последние годы – и тревога за среду обитания этой малой северной народности. Север, богатый природными ресурсами, все чаще привлекает взоры инвесторов, как отечественных, так и зарубежных.

¹ Агиканы – (эвенк.) таежники.

В 1922 г. образована Якутская АССР; в ее состав входили Тунгиро-Олекминский, Каларский и Витимо-Каренгский (в 1938 г. переименован в Тунгокоченский) районы.

10 декабря 1930 года создан Витимо-Олекминский национальный округ, который вошел в состав Восточно-Сибирского края; включал четыре района: Витимо-Каренгский, Тунгиро-Олекминский, Жуя-Патомский (Нюкжинский) и Каларский.

Население округа в 1933 г. составляло 10,1 тыс. человек, из них 1,3 тыс. – рабочие приисков. Наибольшее число аборигенов проживало в Тунгиро-Олекминском районе; из 1034 жителей 723 – эвенки.

В Калакане, окружном центре с 1932 года, были открыты больница, школа, Дом тунгуса, где могли останавливаться на время и столоваться охотники и оленеводы. В надежде приучить эвенков к оседлой жизни для них построены жилые дома.

В 1938 г. Витимо-Олекминский национальный округ был расформирован. К Читинской области отошли Тунгокоченский и Тунгиро-Олекминский районы. Каларский район присоединен немного позднее – в 1939 году.

...По переписи 2002 года, в северных районах Читинской области проживало 1382 эвенка.

Уже объявлено о начале строительства гигантского целлюлозного завода в Амазаре; лес для переработки частично будет поставляться из Тунгокоченского и Тунгино-Олекминского районов. А ввод в эксплуатацию автодороги Чита – Хабаровск делает северные леса лакомым кусочком для лесозаготовителей. В Каларском районе начнется разработка Апсатского месторождения, богатого коксующимся углем и газом – метаном. На очереди добыча меди на Удоканском месторождении...

Бензопила и топор могут неосторожно пройти по священным местам эвенков или снести в тайге укромные уголки, куда дикие звери веками приходили дать жизнь своему потомству. Сегодня на стойбищах оленеводов и охотников слышен тревожный стук колотушки о шаманский бубен. И я снова, как когда-то в детстве, готова встать в круг, разделить тревогу и боль таежных людей. За их самобытный мир. Их судьбу.

...Морозы схлынули, зима на исходе. И я готовлюсь к экспедиции. Эвенкийские старейшины, хранящие мудрость предков, уходят из жизни один за другим. Нужно спешить записать их истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**ЭВЕНКИЯ,
КОТОРУЮ МЫ
НЕ ЗНАЕМ...**

А ОЛЕНИ ЛУЧШЕ...

Машину кидало из стороны в сторону, лихо подбрасывало на ухабах, дорогу преграждали снежные заносы и ледяные заторы. Водитель нашего автомобиля, крупный сорокалетний мужчина, чертыхался, закусывая до крови губы. Один из пассажиров, Афанасий Спиридонович Курбалтунов, пожилой щуплый эвенк со скуластым, перепуханным глубокими морщинами лицом и глазами-щелочками невозмутимо успокаивал его: «Машина виновата, мы чё...»

Мы выехали из Чары рано утром, в пути были уже два часа, но не проехали и половины расстояния до забойного пункта у подножия горы Апсат. Там предстоял пересчет животных, выбор племенных быков и отбраковка больных, не набравших веса оленей; этих последних забьют, их мясо пойдет на стол колхозникам, шкуры – на изготовление одежды. Нужно было спешить. Отроги сопок хоть и

У эвенков нет своей письменности и, в силу этого, написанной истории. Устные откровения, рассказанные самими аборигенами, могут восполнить «белое пятно», стать ценными документами, свидетельствующими о том, как сказались на эвенкийских племенах коллективизация в тридцатых годах XX века, как повлияло на традиционный уклад жизни коренных северян строительство Байкало-Амурской магистрали в конце семидесятых годов XX века; рассказать о том, как протекала перестройка в конце прошлого века на севере Забайкалья; пролить свет на возможности адаптации коренных малых северных народностей к новым условиям жизни.

богаты ягелем, да на колхозное стадо корма не хватит¹.

В одном из снежных сугробов «газик» забуксовал. В конце концов бесповоротно застрял. Курбалтунов вылез из кабины, оглядел беспомощно буксующие колеса и с сожалением заметил: «А олень бы прошел».

– Ч-черт! – выругался председатель колхоза «Красный таежник» Михаил Георгиевич Круглов, а за рулем был именно он. – Ты бы помолчал, Афоня. Разговорился больно... Машина хоть и не живая, а чуёт, что ты ей не доверяешь.

Афанасий Спиридонович обиженно шмыгнул носом и молча взялся за лопату, начал разгрести снежный занос.

Наконец общими усилиями мы убрали затор на дороге. Курбалтунов, оленевод, остаток пути не проронил больше ни слова. Он возвращался после короткого отдыха у оседлых сыновей в бригаду, напросился к нам в попутчики. На забойном пункте, куда его помощники пригнали стадо, Афанасий Спиридонович стоял у костра, невозмутимо посасывая трубочку, но в глазах жило беспокойство. Ждал, как оценят работу.

«Потери небольшие, да вот олени не очень упитанные», – с деланной хмуростью промолвил председатель колхоза. У Афони дернулся на шее кадык. Круглов заметил это, и успокаивающе похлопал эвенка по плечу: «Шучу. Твоих самцов для улучшения породы в других стадах используем». Специально для меня – корреспондента областной молодежной газеты – добавил: «Афанасий, можно сказать, на нартах родился, на нартах и вырос. Много чего о жизни оленьих пастухов знает. Порасспросите-ка его».

Но беседа наша не клеится. Курбалтунов на все вопросы о специфике жизни оленевода лишь пожимает плечами в ответ. Мол, и без слов понятно. Говорю ему, что я, горожанка, плохо представляю себе жизнь кочевника. Он в ответ бросает короткую фразу:

– А чего тут брехать?... Ночью мало-мало спим, днем за олешками бегаем.

¹ По данным Управления сельского хозяйства Читинской области, в 1973 г. в трех колхозах Каларского района («Красный таежник» с конторой в Кюсть-Кемде, «Заря» с конторой в Чапо-Олого и «Северный» с конторой в селе Средний Калар) насчитывалось 10792 голов оленей.

– Вот только у пастухов недочет. Отчего бы? Слышал, поди, бригада с Сьюльбана чуть не треть стада растеряла. Видно, оленеводы «огненной воды» напились да сладко спали. Чересчур сладко, жало комарья не учуяли... – подначивают Афанасия на разговор забойщики.

– Ээ-э! Пастухи в селе на отдыхе пьют водку, спорить не буду. Сам к бутылке прикладывался. А в тайге когда?.. – вступает за сородичей Афоня. – Летом оленям от мошки да гнуса спасу нет. Животные голову теряют – света белого не видят, в болотах тонут, от стада отбиваются. Вот и веди их на гору, где ветрено, чтобы мошку сдувало, или дымокур жги. Осенью новая беда: трава жухнет, колючей становится. Олени ноги накальвают и кровослезом болеют. Тут ветеринара на помощь звать нужно. А зимой что... Зимой оленщику совсем легко: мошки нет и к морозу животные привычные, болеют мало. Корм сами себе копытят.

Рабочие-забойщики засмеялись:

– Выходит, дядя Афоня, у тебя все девять зимних месяцев – отдых? Считаю, на курорт не надо ехать.

Обиделся:

– Почему – курорт? Забот и зимой хватает. Изморозь упадет, ягель, мох то есть, под ледяной коркой спрячет, стадо без пищи пропасть может. А то снег густой на землю ляжет, ловушки на каждом шагу приготовит, как шапкой, наледи, трещины на реке прикроет. Олени в такую пору в воду проваливаются, в камнепадах ноги ломают. За ними, как за малыши детьми, присмотр нужен... Волки зимой опять же голодные, на животных-одиночек нападают. Тут гляди в оба, чтобы теленок от стада не отбился, – подумав, добавляет старый кочевник. – Или взять пургу...

В СССР алкоголизация и угроза вымирания малых коренных народов были закрытой темой. Лишь с восьмидесятых годов прошлого века об эвенках «вспомнили», но, как правило, обращение к теме аборигенных народностей носило и нередко по-прежнему носит «фестивальный вариант»: оленных людей наряжают в национальные костюмы, вывозят в районный или краевой центр, воссоздается жилище аборигенов – чум, самодеятельные артисты исполняют стилизованные постановочные танцы. На этом, как правило, экскурс в мир оленеводов завершен. К несчастью, реальная жизнь эвенков не столь празднична. Но о глубинных хозяйственных процессах и о духовной жизни, социальных проблемах аборигенов Забайкальского края отваживаются рассказывать лишь отдельные журналисты: поездки к агиканам – дорогостоящие и редакциями не финансируются (круг потенциальных читателей в северных районах слишком малочислен, и затраты на издание газеты не окупаются). Кроме того, «вылазки» в таежный край небезопасны. Сказывается удаленность от населенных центров, труднодоступность эвенкийских стойбищ и поселений, отсутствие дорог, а для смельчаков-путешественников велик риск стать добычей хищных зверей.

Лабаз для хранения запасов дикого мяса

э-ээ, не лучше злой жены, лютует, страсть.

Афанасий Спиридонович наконец сбросил с себя оцепенение. «Разошелся... – переглянулись мужики. – Ну, теперь держи животы покрепче, иначе от хохота надсадишься».

Дядя Афоня очень похоже изобразил разъяренную женщину, кидающую в мужа предметы утвари. Пастухи из других бригад, оказавшиеся у костра, и рабочие-зайчики засмеялись. А подбодренный общим вниманием рас-

сказчик продолжал – не рассказ, теперь уже настоящее представление:

– Глупая женщина скандалит – добром проси, не остановится. Молчи – от обиды сильнее ярится. Вот так же пурга: закружит, лютовать будет, пока не обессилен. Если через несколько часов непогода утихомирится, еще полбеда, оленей легко сыскать. А коль суток трое выжило, следы все замело. Кто знает, где стадо искать...

Афоня кинул взгляд на своего молодого помощника, и к общему удовольствию слушателей в лицах представил сцену поиска затерявшихся животных. Изобразил, как пастух в растерянности бегаёт по тайге, натывается на деревья, вязнет в снежных сугробах. И в конце концов угождает... напрямиком в медвежью пещеру.

Рассказчик сонно потянулся, почесал ладонью под лопаткой, широко зевнул – ну вылитая медведица! Следом представил зрителям и ее оробевшего гостя с трясущимися от страха коленками. Но хозяйка берлоги оказалась покладистой, подвинулась и махнула лапой: ложись, мол, рядышком.

Зрители покатались со смеху. Лишь Петр, молодой мужик, помощник Афанасия, кисло сморщился. Шутки наставника ему явно не по нутру пришлись. Но смолчал.

Я же, помня совет председателя колхоза расспросить бывалого таежника о специфике работы «на стаде», тормошу Курбалтунова. Прошу оленьего пастуха вспомнить самые запоминающиеся вехи кочевья. Он лишь недоуменно пожимает плечами в ответ: «Я чё? Я как все орочны. За олешками слежу. Как ягель прикончат – перекочевку готовлю».

– А жена с такой жизнью мирится?

– Но. Старуха моя за мной всегда как тень следует.

...Жизнь наших оленеводов, вроде бы, внешне не примечательна. Но для них она расцвечена таежными красками, и наполнена лесной музыкой. У кочевников и календарь – свой, природный. Взять зиму. Декабрь по-эвенкийски называется «хэгды», или самый долгий месяц. Таежники с нетерпением ждут день зимнего солнцестояния, когда «солнце на лето, зима на мороз нацеливаются». По убеждению эвенков, медведь именно в этот день в берлоге на другой бок переворачивается. Январь – февраль коренные северяне называют временем звенящей морозной тишины, и это время отмечено появлением потомства у медведиц. А вот эктэнкире (март) – месяц растущих рогов. У самцов северных оленей растут рога, глухарь начинает «чертить снег» – птица выбирается из-под снежного наста и оставляет на нем следы от крыльев, волки в этот период подбирают себе самок. Туран (апрель) – месяц прилета воронов. У птиц в этот период брачные игры, они своими криками кру-ук, ку-ук будоражат всю окрестность. Сопкан (май) – месяц начала отела важенок, а еще это – весна света, весна воды и только потом полноправная, или, по выражению эвенков, «голая» весна...

Долгие зимние месяцы наши пастухи живут на становище в брезентовой палатке – чум теперь лишь летом устанавливают. Но женщину в бригаде по инерции круглый год называют чумработницей. Курбалтунов пасет стадо с женой. Она шьет меховую одежду, выносит по утрам из палатки и сушит постель из оленьих шкур, печет лепешки и кипятит чай на печке-буржуйке или керосинке. Но убеждена: варево на костре получается вкусней, чай – духовитее. И, лишь потеплеет, покидает полотняный полог, колдует над огнем снаружи. Треск сучьев в пламени костра для нее словно беседа с близким другом. Огонь не раз подсказывал женщине: отощавший во время зимней лежки в берлоге медведь пожаловал, вокруг их стоянки бродит. Собаки много позже приближение зверя чуяли... Тут уж Афонин черед с незваным гостем общий язык найти, особые ритуалы выполнить. Иначе беда: хозяин тайги не оставит семью пастухов в покое.

Вот сейчас у Афанасия новичок в бригаде появился. Бывалый оленевод для виду ворчит на него: «Я – неуч, книг умных в интернате вашем школьном не читал. Какой из меня наставник...» Но на самом деле доволен: есть кому передать знания о тайге, обычаях предков. Учат неопытного пастуха, как умиловить голодного после зимней спячки медведя: «Ты, Петруха, поверх его когтей на деревьях зарубки не оставляй, выкажи уважение, признай за ним право на меченую территорию. Иначе амикан шибко осерчает». Подсказывает своему ученику, как жить в тайге рядом с волками и сохранить при этом оленей: «Ты, паря, помни, зверь тоже о своем помете печется. Если у серого пещера по соседству с куреканом¹ оказалась, горячку не пори, ружье сразу не хватай в руки – волк твоих

¹ Курекан – загон для домашних оленей.

олений не тронет. Эргечи понимает: ты следом придешь, в отместку его щенят порешишь». Старый Афоня учит молодого пастуха выхлещивать самцов, а если придется, то самому и «повитухой» быть во время отела важенок. Подсказывает Петру, что пастуху следует доверяться вожаку стада – тот сумеет вывести к жилью: «„Орон“ на нашем языке означает „макушка головы“, он как человек – не даст тебе пропасть в тайге».

С «Большой землей», то есть селением Кюсть-Кемда, где расположена контора колхоза, бригаду оленеводов связывает лишь писк передатчика переносной радиостанции. И поэтому пересчет и забой животных – долгожданное событие. Где еще всем оленноногим кочевникам вместе собраться удастся?.. Вот когда можно отвести душу в разговорах, а то и состязания устроить: кто кого перепоеет да лучше сказки сказывать станет. Афоне тут равных нет, часа три без усталости может разные небылицы плести: о невидимых духах-помощниках, о бестелесных существах, способных наказывать охотника, нарушившего табу, о предках-великанах, оставивших после себя напоминания – рисунки на скалах. Сказки, на первый взгляд. Но эвенки к мифам бывалого пастуха очень внимательно прислушиваются, черпают из них науку выживания.

– Наверное, хочется пожить в тепле, в поселке – как живут другие люди... – интересуюсь у старого оленевода.

Афанасий Спиридонович согласно кивает головой:

– Это ты правильно говоришь – люблю тепло, но тепло от оленьих шкур в палатке. А в поселке я пробовал осесть надолго. У старшего сына Грихи. Смотрел на электрическую лампочку – тосковал по солнцу. Трогал ладонью потолок, стены в избе: эва, словно зверь в клетке заперт. Совсем больной сделался. Сбежал через неделю. На воздух, на вольный простор, к своему стаду.

Афоня наклонился ко мне и шепотом добавил: «Мой род, девка, от волков начало берет. Когда-то женщина – моя прапрабабка – понесла от клыкастого собрата. С тех пор ее потомки не могут жить в неволе. Чахнут. Вот так-то». Прищурился, вздохнул, и добавил: «А хозяйка моя произошла от важенки, оленухи то есть, не иначе, потому и загон в силах терпеть. Вон у Грихи цельный месяц в избе гостила, и хоть бы хны... У сыновей наша кровь перемешана. Не знаю, чей верх возьмет».

...Сколько помнит себя Курбалтунов, его жизнь связана с оленеводством. Олень – кормилец, друг, советчик. «Орон – не простое животное, он наш предок в древности. Об этой животине заботиться надо как о самом себе», – убежденно говорит старый пастух.

Но есть у Афанасия Спиридоновича тайная печаль: собственные сыновья редко в стаде бывают. Старший у геологов каюром работает, а младшие – школьни-

ки, все зимние месяцы живут в пришкольном интернате в районном центре Чара. Лишь летом проводят отца, гостят у него на чумовище. «Шесть их у меня, а все на трактор заглядываются. Однако, плохие помощники нам с матерью из них вырастут, без навыка в тайге при первом гнусе оленей растеряют... Боюсь я за мальчишек».

Раскурил трубку. И после долгого молчания неожиданно сказал, обращаясь не только ко мне, но ко всем, кто грелся у костра:

– Видели под Чарой гору-зарод?

Слушатели сомкнулись вокруг сказителя. Надеялись, что сейчас последует занимательный рассказ или очередное представление. Афанасий мог изобразить любого из зрителей, голосом подражать таежному зверю и птицам. На этот раз сомниган¹ был грустен.

– Жил когда-то молодой эвенк. Всем парень удался, и ростом, и силою. Но мнил о себе шибко много. Родичи не раз и не два звали его на охоту – отказывался. Приглашали оленей пасти – только морщился: «Мне стыдно с вами компанию водить, вы хилые и беспомощные. Мышь и та быстрее бегаёт. Стану я горой. Синея глыбой, как великан среди карликов, буду возвышаться над долиной. Это мне по нраву».

Ну так и вышло. Парень превратился в огромный валун. Стоит он день, два... год. Возмутился: «Да что это такое? Дождь хлещет – моя каменная кожа раскалывается, ветер и тот вершину стачивает. Не желаю быть горой, хочу обратно к людям».

Но... не взяли его к себе люди, и скалы от него отказались. Так и стоит он, окаменевший, отдельно от гольцов. Вершину горы давно сточил ветер.

– Чуешь? – переглянулись меж собой молодые слушатели. – О каменном зароде² Афоня легенду сложил.

– Э-э, болтаете что ни попадя, – осадил их пожилой рабочий-забойщик. – О своем горе Афоня печалится. О том, что глубоко в печенке сидит. Дети у него арифметику осилили – и занесли, от таежной палатки нос воротят.

...К вечеру пересчет животных в колхозном стаде был завершен. Председатель колхоза попрощался с забойщиками и пастухами. Мы сели в «уазик»: надо до полуночи успеть вернуться в райцентр. Долго в снегах виднелась все уменьшающаяся фигурка старого эвенка. Он смотрел нам вслед.

Оленевод Афанасий Курбалтунов отказался вернуться в поселок. Остался в тайге со стадом оленей.

Шел 1973 год...

¹ Сомниган (эвенк.) – сказитель.

² Гора в Каларском районе, очертаниями напоминающая большой стог сена со скошенной вершиной.

ОХОТНИЧЬЯ ГРАМОТА

На эвенкийское селение Чапо-Олого опустился синий вечер. В рубленых из лиственницы крепышах-домах зажглись, как маленькие солнца, электрические лампочки. К самым избам подступала, щетинилась, словно шкура бурого медведя, тайга. А в клубе киномеханик собирался «крутить» новый фильм. Зрители перед сеансом обсудили цены на пушнину, поспорили между собой, оставить ли на посту прежнего председателя колхоза, или избрать нового – поразворотливее, и неторопливо расселись по лавкам... все семь человек. Остальные – мужчины, подростки и даже женщины – ушли в тайгу. В самом разгаре был охотничий сезон.

Охотничий промысел – основное занятие у жителей этого селения. Недаром и поселок назван по имени удачливого охотника. Чапо-Олого в переводе с эвенкийского – место, где жил Чапо. Древние старики видели и помнят основателя чумовища, после него сменилось уже несколько поколений охотников, но и теперь самые уважаемые люди на селе – добытчики мяса диких зверей и пушнины. Останови любого из жителей, и услышишь обстоятельный рассказ о том, сколько соболей принесли из тайги сородичи, как ходили на медведя, а Мария Курбалтунова еще в девках убила рысь. Да-да, рысь. Эту хищницу не так просто победить в поединке, хитрость и смекалка требуются. А молодая эвенкийка не сплеховала, пополнила свой барелак (самодельное ожерелье с нанизанными охотничьими трофеями) рысьим клыком. На ее счету сохатый, соболи, горностаи, зайцы, куропатки... А в прошлом году, когда женщине исполнилось пятьдесят пять лет, она принесла из тайги сто белок – любой охотник-промысловик такой добыче позавидует.

Мария Спиридоновна – маленькая, удивительно подвижная, легкая на ходу. Я гощу у нее в доме. Прошу рассказать хозяйку о секретах охоты. Она удивленно всплескивает руками:

– Какой секрет? Нет секрета. Белку видишь – стреляй, соболя видишь – ловушку ставь. Тут науки много не надо, хорошие глаза да сердце крепкое надо – зверя гонять... У-у, соболю – шибко хитрый, иногда несколько суток следом идти приходится, пока его скрадываешь.

– Ну вот, – ловлю ее на слове, – так есть все-таки свои секреты и в охоте.

– А как же, девка! Ты слушай меня.

Слушаю. А она рассказывает – сыплет словами, словно камушки с крутой горы скатывает.

– Перво-наперво места знать нужно, где пушной зверь обитает. Белку обязательно орехи выдадут. Где кедровый стланик, там и белка, – поближе к пище селится. Еще летягу грибы выдадут, она их на зиму сушит. А соболей ищи в местах, где брусники раздолье и рябчики водятся. А как же, зверью есть тоже хочется. И до чего же ловкие, бестии! Иной раз даже на глухаря нацелятся, так вместе с ним

Собаки, обученные выслеживать белку, соболя или медведя, неременные спутники эвенков на охоте

перелеты совершают, лапы у птицы из зубов не выпускают, так и кочуют вместе по воздуху. Поэтому не диво оготона¹ в каменных распадках встретить... Опять же без собаки в тайге охотник как без рук, – спохватывается рассказчица. – Лайка зверя ли, дичь ли в тайге ведет, у нее нюх поострее человеческого. Добытчик на ее лай спешит. Есть собаки, что белку выслеживать обучены. А есть медвежатницы – даже медвежьи берлоги под снегом зимой чуют. Но щенков с первых дней учить надо, иначе на промысел возьмешь – от пня шарахаться будут.

Вот ты интересуешься, не трудно ли женщине на медведя ходить да белку промыслять. Ружье-то поднять любая сумеет. Тут кроме силы ум да смекалку в ход пускай. В тайгу пришла – соображай, как зверя перехитрить.

Задумывается ненадолго:

– Правда, поопаситься не мешает. Зверь, особливо хищник, издалека женщину учует, если она «отмывается». Ну, недомогает раз в месяц, как природой заложено.

¹ Оготон (эвенк.) – зверек.

но. Так что в эти дни лучше носа из зимовья не высовывать. А высунула – снега или хвороста там наносить в избушку, будь на чеку. Но хитрость-то нам на что?.. Брат мой, Афоня, олeneuve, ты его на забойном пункте встречала. Вот он шибко хитрый. Медведку из бревен делает, под комель сырое мясо кладет. Медведь-то по весне голодный, захочет полакомиться, а его сверху лесиной и придавит... О-о, девка, в тайге много знать нужно, иначе пропадешь, – певуче тянет она.

...Охотничьей грамоте мою наставницу мать и отец учили, пока живы были. А больше того – нужда. В семье одиннадцать ртов, чтобы всех накормить, родителям по тайге сотни верст кочевать приходилось. И детей с малолетства к ружью приучали. Лишь Марии исполнилось пять лет, мать показала ей звериные тропы, научила ставить ловушки на зайца, куропатку. А когда девочка свою девятую весну встретила, протянула ей «тозовку» – винтовку, отправила охотиться на белку. С тех пор у Марии Спиридоновны побывали в руках ружья разного калибра, а следы в тайге она теперь знает так же хорошо, как морщины на своем лице.

– Что особо запомнилось?.. Не пытай, девка. Еще не пришел мой срок снами о прошлом жить, это стариковская участь. Меня еще запах сырой земли в тайге манит, кружит голову.

– А как рысь добыли?

– Горло ножом ей перерезала. Рысь мне с дерева на спину прыгнула. Да я изловчилась, первой ее дыхание забрала... Я тогда, помню, невестилась уже, семнадцать лет мне стукнуло. Парни табуном следом ходили. А поединок выиграл эвенк Паша Мальчакитов. Другие соперники ему в силе и ловкости уступали. Вот только не долго мы миловались. Павел рано Срединный мир покинул. И мухомор не понадобился¹.

– Знать, так кости легли², – резко обрывает горькие воспоминания Мария Спиридоновна.

– В древности орочны без пьянящего зелья обходились. – Пожилая женщина зябко поежилась. Похоже, коснулась больной для нее темы. – Нарушил табу – шаман изгонял виновного из племени. А сейчас вон как обернулось: белые начальники самих шаманов изгнали... Только теперь агиканы в питье спирта меры не знают. И никто им не указ. Зимой один из наших, молодой еще мужик, не дошел до дому, замерз. Веселящей воды напился – собой не владел. И это эвенк?! Орочны прежде до тридцати названий разных состояний снега знали, неделю в снежном сугробе при пурге отсидеться могли. В пору моей молодости агикану даже отморозить пальцы позором считалось... Другой ороchon в петлю залез. Его тоже хмель, не иначе, на табурет подсаживал да веревку на шею накидывал – от спирта у него в голове помутнение сделалось... Ну и нечего

¹ В древности старикам-эвенкам разрешалось добавить в табак раскрытый мухомор – сладкие грезы, навеянные ядовитым грибом, облегчали уход в мир иной.

² Шаман по положению костей птицы, добытой охотником, мог предсказать его судьбу.

покойников на закат кликать, не заставят себя долго ждать – явятся, в тело первого попавшего на земной дороге путника вселятся. А место умерших – в Верхнем мире. Там, слышала, спирта, напасти этой, и в поми-и-не нет, – мечтательно тянет слова моя собеседница. – Вот и утешение. Пусть себе небесных согжоев промышляют...

– Так о чем это мы толковали?.. Секрет охотничий хочешь знать? Ну, слушай, девка, – вернулась она к прерванному разговору. – Пока соболя добудешь, ча-сами у норы ход караулить приходится. В такой одеже, как у тебя, пропадешь. Смотри, как в тайгу собираться следует.

Мария Спиридоновна быстро перебежала в другую комнату, принесла меховые чулки – ончуры, унты, шубу-кухлянку, спальный мешок – все сшито из оленьих шкур.

– Сама подумай, – говорит она, – вот одену я телогрейку. Полдня по тайге пробегу, умаюсь, вспотею. Ткань влагой пропитается, коробом на морозе встанет. А в кухлянке другое дело – легко и не мерзнешь, мех сырость впитывает. Но бывает все же – болезнь изловит охотника. Так у эвенков свои испытанные средства есть. Медвежье сало, оленье молоко. Выпьешь – и не болеешь, здоровый. Я вот что думаю. – Она останавливается вдруг на полуслове. – Сейчас ребенок родиться еще не успел – его лекарствами кормят, весь организм ломают. Нашей фелшарке у ороchon приемы лечения вызнать не мешало бы. У нас поверье есть: если ребятишек медвежьим салом напоить, у них к своим силенкам медвежья прибавится. Шибко здоровые вырастут, охотниками станут.

Мария Спиридоновна соскакивает со стула, встает на цыпочки и разводит руками. Показывает, какие могучие будут охотники. И неожиданно смеется:

– Нынче погоду радио предсказывает. А у нас такие старики есть – лучше всякой метеостанции перемену погоды чувят. Бывало, пошепчут, поплюют на ветер: нельзя кочевать, говорят, снег будет. Глядишь, на вторые сутки и впрямь землю снегом, как горностаевой шкуркой, покрыло. Шибко я удивлялась: откуда узнали? Сейчас, как саму годы одолевают, поняла: поясница у них к непогоде ныла.

Понизила голос, опасно поглядела за окно:

– Слушай, сейчас серьезно говорить буду. Эвенки есть сильно догадливые, не только погоду чувят – про предстоящую охоту тебе все расскажут, им таежные духи в этом помогают. Огонь тоже добрый помощник. Охотники на рассвете костер разведут и с ним совет держат. Изогнулось пламя соболиной спинкой – быть богатой добыче. Секрет тебе один скажу: сама не раз с огнем беседовала, удачу мне насулил.

И вдруг вскакивает, огорченно цокает языком:

– Це-це-це, заболталась с тобой, мне ведь капканы проверить нужно. А свет дневной уходит.

2.0. 10636

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

В минуту надела меховые чулки, унты, кухлянку, повесила через плечо ружье, быстро и неслышно пошла, как заскользила, по снегу в глубь леса.

***

...Синий вечер опустился на Чапо-Олого, и опять в клубе собрались шесть человек: продавщица, фельдшер, библиотекарь, учительница начальной школы и двое стариков, не способных бегать в тайгу. Они обсуждали, какой будет охота. И вспоминали добрые приметы: звезды на небе рассиялись – к ясной погоде, а следом у бухгалтерши кошка лапой нос прикрывала – к пороше. Это хорошо, на свежем снегу звериные следы четкие отпечатки оставят.

Не было на этот раз клубной истопницы – моей доброй знакомой Марии Спиридоновны. Пожилая женщина не устояла против зова тайги. Убежала в горы – охотиться.

ПОСЛЕДНЕЕ КОЧЕВЬЕ

В 1979 году мне вновь удалось попасть на забойный пункт совхоза «Чарский»¹, что расположен в северной тайге, вдали от селений. У подножия гольцов, на месте, богатым ягелем, построено зимовье и сооружен загон для животных. На этот раз мы вместе с начальником ветеринарной службы Александром Петровичем Чучалиным приехали к базе оленеводов уже после полудня. Пересчет сохраненных оленей, их выбраковка были окончены накануне, и забой быков и телок велся с раннего утра.

Зрелище напоминало поле битвы. На белом снегу ярко выделялись уже прихваченные морозом кровавые туши. На шестах были подвешены только что снятые шкуры животных. Кружило черное воронье. «Словно тризну справляют», – пришло мне в голову. Но тут же постаралась отогнать печальные мысли.

Сюда, к подножию гор, на этот раз пригнали стадо старый оленевод-эвенк Григорий Ильич Павлов и его жена – чумработница Александра Ивановна Курбалтунова. С ними старшие сыновья – Илья и Григорий, приехали из поселка проведать стариков. Тут же и младший – шестнадцатилетний подросток Николай. Он еще школьник, живет в Чаре – в интернате. Но сейчас ноябрь, каникулы.

Коля – пока «профессор наполовину», – шутят братья: он учится в седьмом классе. В кои-то веки семья собралась вместе. Павловы греются у костра. И разговор у них, судя по всему, жаркий.

Прислушиваюсь к их спору.

¹ В 1977 г. колхоз «Красный таежник» и колхоз «Заря» были объединены в совхоз «Чарский».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Эвенний, которую мы не знаем...

– Не-ет, пастухом не стану, и не ждите,– петушится Колька. – Не для того в школе геометрию с физикой грызу, чтобы после схоронить себя заживо в тайге. Я вон, как Илюха, на шофера выучусь. Теплая сидушка всю зиму под жопой будет. Кра-а-сота-а!.. Не надо ноги в кровь по снегу бить, за оленями гоняться.

– Старикам работник нужен, пойми,– пытается утихомирить подростка старший брат Григорий. – Но. А в тайге безвылазно сидеть нет нужды. Можно все поумному организовать. Скажем так: одна бригада, то есть пастухи и чумработница, месяц в тайге с оленями кочуют, а сменщики в поселке живут, отдыхают. Потом они заступают... Нынче оленеводам без техники нельзя, без радиоприемника,– заметив, что ветеринар прислушивается к разговору, повысил голос Григорий. – Поймет это совхозное начальство – молодежь пойдет «на стадо». Тот же Колька одним из первых вызовется...

– Ловко рассудил – за других. Ты про себя скажи,– не унимается подросток.

– Да я что? Я – при оленях, у геологов каюром работаю. А что семейное стадо не беру... так заработок хороший бросать жаль, семья у меня,– прячет глаза Гриша.

Прогитание в тайге охотник добывает себе сам

Бригада оленеводов прибыла на отдых в село

Илья, средний сын, тоже отмалчивается, отводит глаза в сторону от вопрошающего взгляда отца.

Старые оленеводы сидят у костра, молчат. Щурятся на дым и слушают, как шумит молодежь. Потом Павлов грустно говорит:

– Старый я, мало-мало – три года – до пенсии осталось. А за олешками бегать надо. Километров двадцать, а то и поболее в сутки. Кто меня заменит?

Пастух подкинул поленья в костер и словно увидел в огне что-то, вздрогнул. Сказал сыновьям:

– Однако, скоро в последнее кочевье отправлюсь. В Страну печального вечера. Знак мне был. Олени в небо поднимались и после таяли в дыме.

Чучалин, стоявший поблизости, хотел возразить. Александра Ивановна, жена оленщика, остановила ветеринара, ласково взяв за рукав:

– Видение ему было. А мы, эвенки, верим в язык огня, в предсказания духов.

В этот вечер разговор больше не клеился. Устроились на ночлег в зимовье. На другой день у общего костра старик Павлов был разговорчивее. Начал издали:

– Мой отец любил повторять одну историю. О пустыне. Как она образовалась у нас в северной тайге. И вы послушайте. Пески наши знаете? Пустыню Чарскую? А не всегда здесь песчаные барханы были. Старые люди говорят: тайга на этом месте шумела, охотники богатую добычу приносили. Но поселился здесь злой человек. Эвенк, а эвенкам – чужой. У него одиннадцать сыновей было. Сами не охотились, у других добычу отнимали. Нечего делать – агиканы отдадут добычу, а сами прочь идут, тайгу слезами кропят. Где слеза упала, корни подсекались – так

горяча влага. В горный ручей слеза попала – пересох ручей. А как-то сильный ветер поднялся. Вырвал из земли деревья, кустарники – корни-то их уже не держали, разметал в разные стороны. Злой эвенк и его сыновья хотели спастись, схватились за деревья, чтобы удержаться. Да куда там. Вместе со стволами их в воздух подняло и прочь понесло. Долго их по свету носило – нигде земля не принимала. Чужие земле-то были. Сами в песок превратились. Без корней люди.

Замолчал старый оленевод. И дети его молчали. Лишь потрескивали угли в костре, да с тихим шорохом опускался на стылую землю снег.

...Это кочевье и в самом деле стало последним для пастуха Григория Павлова. Вскоре он ушел из жизни.

***

Видение старого оленевода оказалось пророческим. С наступлением перестройки совхоз Чарский был расформирован. Живность раздали бывшим пайщикам. Но эвенки не сумели сохранить частные стада. Повсюду курились костры, на них жарились шашлыки из оленины. Казалось, обильной еде и выпивке не будет конца. Но домашние животные очень быстро с дымом костров ушли на небо.

В совхозном стаде на 1 января 1979 года числилось 7965 голов. Десять лет спустя во всем Каларском районе у частных от силы можно было насчитать сотен шесть домашних оленей...

БЕГЛЕЦЫ

Побег эвенкийских мальчишек из пришкольного интерната в Чаре поднял на ноги все село. В поисках детей участвовали учителя, милиционеры, лесники. Еще бы! Зима подступает, мороз ночами под сорок градусов. А подростки одеты в легкие куртки, обуты в резиновые кеды. Не ровен час замерзнут. Прочесывание окрестностей возле поселка не дало результатов. Пришлось на третьи сутки поднять в воздух вертолет. Вертолетчикам повезло больше. При облете тайги они заметили дымок, поднимающийся от костра. Пилоты поразились. Мальчишки – без карты и без лыж! – сумели прошагать около тридцати километров в нужном направлении. За две ночи. Днем беглецы проезжих дорог избегали, ждали наступления темноты.

Всех удалось благополучно водворить на место.

...Это был уже третий побег в интернате за нынешнюю осень. Каларцы не желали смириться с интернатским житьем. Чуть отвернулись воспитательницы – постели мальчишек пусты, а их самих след простыл... А до селения Средний Калар более двухсот пятидесяти километров от районного центра. Пропадут ребята в тайге – без съестных припасов, без охотничьего оружия.

Это была демоверсия книги - Коледнева Н.В. Планета Эвенкия.

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34